

Раздел 2. Эпистолярный жанр в прозе и поэзии

Д. А. Метелица

(научн. руководитель Е. А. Попова)

Липецкий государственный педагогический университет

Липецк, Россия

Прецедентные имена в эпистолярном жанре и эпистолярном повествовании

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и частотность употребления прецедентных имен на материале эпистолярного наследия Александра Сергеевича Пушкина и его произведения «Роман в письмах». Анализируется характер и цель употребления прецедентных имен в личной переписке русского писателя и художественном произведении, написанном в форме эпистолярного повествования.

Ключевые слова: прецедентные имена, письма, эпистолярное повествование, А. С. Пушкин.

В последние десятилетия в лингвистике стали уделять большое внимание изучению таких явлений языка, как прецедентные феномены, в частности прецедентные имена. Актуальность данной темы можно заметить, если обратить внимание на то количество исследований, которое проводится в данной области. Известны работы ученых, в которых внимание уделяется рассмотрению прецедентных имен на материале текстов различных стилей и жанров: художественной литературы [Артемьева 2016; Зубакова 2017; Зубкова 2008; Молчанова 2011 и др.], публицистики [Смулаковская 2004; Нахимова 2007; Зырянова 2010 и др.], рекламных текстов [Пикулева 2003], мемуаров [Попова 2021а; Попова 2021б] и др. Несколько меньшее количество исследований проведено в области прецедентных имен в контексте эпистолярного текста, несмотря на то, что именно в нем отражается «взаимодействие фоновых знаний автора и предшествующих, прецедентных для данной культуры произведений, нашедших отражение в системе лексических, морфологических и синтаксических средств нового текста» [Арбузова 2021: 118].

В процессе изучения темы прецедентного имени произошло разделение трактования понятия на широкое и узкое. Так, согласно точке зрения Е. А. Нахимовой, которую следует понимать как трактовку данного понятия в широком значении, необходимо включать в рассматриваемые единицы широко известные имена собственные, используемые в тексте не только для обозначения конкретных субъектов или объектов, но и как своего рода культурные знаки, символы определенных качеств, событий, судеб и т.п. : «различия между двумя рассматриваемыми типами значения связаны с тем, что в первом случае слово связано с традиционным денотатом (референтом), а во втором – с совершенно иным денотатом (референтом)» [Нахимова 2007: 53].

В узком понимании прецедентное имя следует рассматривать как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ (прецедентного имени. – Д. М.) <...>» [Захаренко 1997: 83]. Именно при рассмотрении прецедентного имени с точки зрения его узкого понимания мы имеем возможность выявить специфику употребления ономастических единиц как прецедентных феноменов.

При исследовании эпистолярного жанра с точки зрения обнаружения в нем явления прецедентного имени пристальное внимание привлекают художественные произведения, написанные в форме писем или содержащие их как часть общего полотна текста. Так,

например, в «Романе в письмах» А. С. Пушкина встречается упоминания писателей и героев их произведений в контексте сравнения персонажем произведения Пушкина себя или какого-либо другого лица с прецедентным именем: *«Ты подозреваешь во мне какие-то глубокие, тайные чувства, какую-то несчастную любовь – не правда ли? успокойся, милая; ты ошибаешься: я похожа на героиню только тем, что живу в глухой деревне и разливаю чай, как **Кларисса Гарлов**»* [Пушкин 1978: 43]; *«Охота тебе корчить г. **Фобласа** и вечно возиться с женщинами. Это не достойно тебя»* [Там же: 51].

Кроме того, в качестве автора, упоминаемого в тексте произведения, встречается и имя самого Пушкина: *«Маша хорошо знает русскую литературу – вообще здесь более занимаются словесностью, чем в Петербурге. Здесь получают журналы, принимают живое участие в их перебранке, попеременно верят обеим сторонам, сердятся за любимого писателя, если он раскритикован. Теперь я понимаю, за что **Вяземский** и **Пушкин** так любят уездных барышень. Они их истинная публика»* [Там же: 46]. Такое использование прецедентных имен не случайно, за каждым используемым именем стоит определенный образ, который, вплетаясь в общую канву повествования, расширяет рамки предстающей перед читателем сцены, добавляет такие элементы повествования, которые становятся понятны только способным их обнаружить и, что важнее, расшифровать.

Также с помощью прецедентных имен в речи героев произведения наиболее красноречиво раскрывается позиция автора по волнующим его вопросам: *«Да какой гордости воспоминаний ожидать от народа, у которого пишут на памятнике: Гражданину Минину и князю Пожарскому. Какой Князь Пожарский? Что такое гражданин Минин? Был окольничий князь Дмитрий Михайлович Пожарский и мещанин Козьма Минич Сухорукий, выборный человек от всего государства. Но отечество забыло даже настоящие имена своих избавителей. Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ!»* [Там же: 50] или *«Какая дикость! для них не прошли еще времена **Фонвизина**. Между ими процветают еще **Простаковы** и **Скотинины**!»* [Там же: 50].

Однако в литературном произведении любое использование прецедентного имени будет рассматриваться автором только с точки зрения внесения в него дополнительных смыслов и образности, а потому наиболее интересными для анализа представляются именно тексты личной переписки, в которой пишущий раскрывается наиболее полно.

Создание письма – это по-настоящему личный процесс, в котором адресант использует те или иные языковые средства для того, чтобы максимально полно передать мысли и чувства адресату, а следовательно, нуждается в единицах языка, позволяющих это осуществить. Согласно мнению лингвистов, в ономастике кодируются наиболее значимые кванты этнокультурной информации [Березович 2001: 34]. А так как, по мнению В. И. Супруна, «онимы, как и другие лексические единицы, могут обладать экспрессивностью, отражая субъективное отношение автора текста к содержанию» [Супрун 2000: 20], именно прецедентные онимы позволяют передавать широкий спектр эмоций, испытываемых автором письма.

Перед тем как непосредственно приступить к рассмотрению примеров употребления прецедентных имен в эпистолярной литературе, необходимо сказать о том, что частотность употребления данных языковых единиц может значительно различаться в зависимости от автора письма. Можно предположить, что это явление представляет собой одну из характеристик, свойственных эпистолярному идиостилю автора. Так, например, по данным исследования Т. П. Акимовой, «в 628 письмах А.С. Пушкина отмечено 60 с/у (случаев употребления. – Д. М.) прецедентных имен, в 627 письмах В. П. Астафьева – 58 с/у, в 895 письмах А. П. Чехова – 47 с/у, в 1076 письмах Л. Н. Толстого – 27 с/у, в 1195 письмах М. Горького – 18 с/у, в 499 письмах М. А. Шолохова – 8 с/у» [Акимова 2016: 16].

Среди прецедентных имен, обнаруженных в текстах эпистолярного жанра, можно выделить несколько видов онимов. Встречающиеся чаще всего – это прецедентные имена авторов литературных произведений, героев художественной литературы и мифологии. Такая частотность использования прецедентных имен именно из этой области во многом

связана с деятельностью человека, в нашем случае в речи и мыслях писателя преобладают мотивы, связанные с литературой, искусством слова. При этом каждый из используемых прецедентных именили прецедентных высказываний в тексте личной переписки создает определенную атмосферу, в контексте которой становится возможным догадаться об эмоциях автора письма.

Так, например, в письме Л. С. Пушкину от 24 января 1822 г. А. С. Пушкин обыгрывает имена персонажей басни И. А. Крылова «Демьянова уха», где в ироничной форме принимает на себя роль Демьяна, от которого хочется сбежать собеседнику, как бы подшучивая над самим собой, признавая, что излишне увлекся написанием письма и, возможно, стал в тягость адресату: *«Если хочешь, вот тебе еще эпиграмма, которую, ради Христа, не распускай, в ней каждый стих – правда... Хочешь еще? На Каченовского... покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя, твой друг Демьян»* [Пушкин 1979: 30–31].

В процессе чтения писем Пушкина обращает на себя внимание неоднократное обращение автора к имени демона-искусителя Асмодея: *«Мне скучно, милый Асмодей...»* [Там же: 52]; *«По твоему совету, милый Асмодей...»* [Там же: 52]. Указанное обращение встречается неоднократно, но направлено в сторону только одного адресата писем – П. А. Вяземского. Такое прозвище было дано Вяземскому в рядах литературного общества «Арзамас», и, хотя данное обращение не является изначально идеей Пушкина, его употребление в тексте личной переписки добавляет некоторые оттенки язвительности в дружескую переписку.

Рассмотрение прецедентных имен, используемых в эпистолярном тексте, показало, что существует довольно большой диапазон, в котором возможно их употребление: от упоминания известных имен для создания необходимого настроения и атмосферы письма до использования их в качестве дружеского подшучивания, которое посторонним может быть только уловлено в контексте, но не полностью расшифровано. Прецедентные имена могут также быть использованы для автохарактеристики с помощью приема сопоставления, что придает эпистолярной коммуникации шутливую или ироническую окраску.

Литература

Акимова Т. П. Онимы эпистолярного текста в аспекте прецедентности (на материале писем русских писателей XIX–XX вв.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. №3(27). С. 15–25.

Арбузова В. Ю., Шурупова О. С. Прецедентные феномены в эпистолярном тексте (на материале писем А. П. Чехова) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Педагогические науки. Филологические науки. 2021. №7(160). С. 117–121.

Артемяева П. С. Прецедентные феномены как выразительное средство: диалог культур в художественном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2016. 163 с.

Березович Е. Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60. №6. С. 34–46.

Зубакова Н. В. Типологические и функциональные характеристики интертекста в произведениях современной массовой литературы и беллетристики: Автореф. дис. ... канд. филол. н. Белгород, 2016. 28 с.

Зубкова Л. И. Культурогенный потенциал прецедентных имен и фамилий русской культуры (по произведениям «деревенской» прозы второй половины XX в.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 1 (57). С. 171–177.

Зырянова И. П. Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы (2005–2009 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. н. Екатеринбург, 2010. 22 с.

Молчанова Н. С. Роль прецедентного имени в восприятии художественного текста // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2011. №15. С. 87–91.

Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал.гос. пед. ун-та. 2007. 207 с.

Пикулева Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. н. Екатеринбург, 2003. 22 с.

Попова Е. А., Кудрявцева С. В. Особенности прецедентных феноменов в мемуаристике О. Э. Мандельштама // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021а. №3. С. 54–57.

Попова Е. А. Отражение прецедентных феноменов русской и зарубежной лингвокультуры в «Мемуарах» П.П. Семенова-Тян-Шанского // Запад и Восток в диалоге культур. Сборник материалов X международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В. Б. Царьковой, А. А. Люлюшина. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021б. С. 229–235.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том VI. Л. : Наука, 1978. 576 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том X. Л. : Наука, 1979. 712 с.

Смулаковская Р. Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург: Изд-во Урал.гос. ун-та, 2004. Т. 12. С. 111–120.

Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград : Перемена, 2000. 172 с.

Metelitsa D. A. Precedent names of epistolary genre and epistolary narrative

Abstract. The article considers the features and frequency of the using of precedent names which are based on the Alexander Sergeevich Pushkin's epistolary heritage and his literary work «The Novel in Letters». The nature and purpose of the using of precedent names in the personal correspondence of Russian writer and in the work in the form of an epistolary narrative are analyzed.

Keywords: precedent names, letters, epistolary narrative, A. S. Pushkin.

О. А. Андреева

(научн. руководитель Г. В. Ситникова)

Липецкий государственный педагогический университет,
Липецк, Россия

Дневник П. А. Толстого как образец светской путевой литературы конца XVII века

Аннотация. Статья посвящена анализу записок П. А. Толстого, известного государственного деятеля, сподвижника Петра I, который 2 года прожил в Италии. Путевой дневник П. А. Толстого – это образец светской путевой литературы, это своеобразный калейдоскоп разнообразных описаний, встреч, событий, который свидетельствует об энциклопедичности интересов русского человека петровского времени

Ключевые слова: Италия, Петровская эпоха, хождения, путешествия, бытописание, энциклопедизм.

В русской литературе XVIII века путевая проза занимает особое место, с одной стороны, она тесно связана с традицией древнерусских хождений, с другой – на нее самым